

ԱԿՄԱԼՒԱՏՅԱՆ

Ասպիրանտ кафедры гражданского и гражданско-процессуального права института права и политики Российско-Армянского (Славянского) Университета

ДОКТРИНА ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ВЕНСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ДОГОВОРАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ 1980 Г.: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И “ВОСПОЛНЕНИЯ ПРОБЕЛОВ”

Статья посвящена исследованию проблем правового регулирования изменения обстоятельств и препятствия к исполнению согласно Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. Автором проведен анализ основных точек зрения по вопросу толкования положений о препятствии к исполнению, а также правоприменительной практики в этой сфере. Автором также рассмотрен вопрос о том, регулирует ли Конвенция случаи существенного изменения обстоятельств.

Согласно исследованию выделены два механизма, при которых возможно правовое регулирование существенного изменения обстоятельств в рамках Конвенции – толкование понятия «препятствие» или же «восполнение пробелов» на основании принципов, на которых основана Конвенция и отсылки к Принципам Международных Коммерческих Договоров УНИДРУА. Автором обосновывается несостоятельность обоих подходов и предлагается вывести вопрос о существенном изменении обстоятельств за рамки регулирования Конвенции.

Ключевые слова: препятствие к исполнению, восполнение пробелов, изменение обстоятельств, *force majeure*, *rebus sic stantibus*, принципы УНИДРУА.

Как известно, международное частное право содержит две группы норм. Первая и наиболее обширная группа – это так называемые коллизийные нормы, указывающие на то материальное право, какой юрисдикции подлежит применению. Вторую же группу составляют нормы материального характера, закрепленные в различных международных инструментах. Среди таких международных инструментов особое место занимает Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров, 1980 г (далее ВК), которая является на сегодняшний день одним из важнейших источников права, регулирующих международную торговлю. По состоянию на конец 2014 года сторонами ВК являются 83 государства в том числе Республика Армения и Российская Федерация¹.

ВК содержит значительное количество материальных норм, в том числе норм о возможности освобождения должника от ответственности и т. п. Особый интерес представляют нормы, позволяющие сторонам избежать ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства. Регулированию названных вопросов посвящена, в частности ст. 79 ВК, озаглавленная “Препятствия к исполнению договора”. Согласно

данной статье:

“1) Сторона не несет ответственности за неисполнение любого из своих обязательств, если докажет, что оно было вызвано препятствием вне ее контроля и что от нее нельзя было разумно ожидать принятия этого препятствия в расчет при заключении договора либо избежания или преодоления этого препятствия или его последствий.

(...)

3) Освобождение от ответственности, предусмотренное настоящей статьей, распространяется лишь на тот период, в течение которого существует данное препятствие.

(...)

5) Ничто в настоящей статье не препятствует каждой из сторон осуществить любые иные права, кроме требования возмещения убытков на основании настоящей Конвенции.”

Следует выделить несколько элементов, содержащихся в названном положении. Первое – положения ст. 79 ВК распространяются на любые обязательства сторон будь то поставка товара, уплата денежных средств и т. д. Второе – неисполнение обязательства должно быть “вызвано препятствием” вне контроля стороны. Третье – препятствие должно

быть непредвидимым в момент заключения договора. Четвертое- препятствие должно быть непреодолимым. Пятое- сторона на основании ст. 79 ВК освобождается только от ответственности.

Следует согласиться с тем мнением, что на первый взгляд положение испытало значительное влияние положений о *force majeure* во французском и родственных ему правовых системах, так как освобождение от ответственности за неисполнение вследствие воздействия непредвиденного и непреодолимого события характеристики *force majeure*². Однако не следует смешивать положения ВК и какого-либо внутрегосударственного права. Как отмечает Джон Хоннольд, рассматривая положения ВК следует руководствоваться исключительно самой конвенцией и отречься от положений национальных систем и различных доктрин, существующих в этих системах³. Такое мнение также поддерживается многими судами, которые отвергают возможность применения национального права для целей интерпретации, так как в таком случае был бы нарушен принцип единообразия, закрепленный в ст. 7 ВК⁴.

Сказанное в высшей степени оправдано в случае ст. 79 ВК. Дело в том, что национальные правовые системы имеют различное отношение и различным образом регулируют вопросы невозможности исполнения и непредвиденного изменения обстоятельств, и потому разработчики избрали нейтральный набор терминов. В отличие от ранних проектов ВК и предложений ряда государств в соответствующем положении не были закреплены такие термины как “вина”, “*force majeure*”, “фрустрация” и даже “обстоятельство”⁵.

Однако несмотря на кажущуюся нейтральность текст ст. 79 ВК не дает ответа на ряд существенных вопросов. В первую очередь это касается едва ли самого важного вопроса о том, что следует понимать под термином “препятствие”. Изначально данный термин был введен как альтернатива понятию “обстоятельство”, так как последний был слишком широким и, по мнению некоторых специалистов, мог служить основанием для освобождения продавца от ответственности за скрытые дефекты товара⁶. Однако следует отметить, что среди авторов нет единодушия относительно того, исключает ли термин “препятствие” применение ст. 79 ВК в подобных случаях⁷. Не дает ВК и ответа на вопрос о том, что может являться “препятствием”.

Сложно было бы найти автора, который не счел

бы физическую невозможность исполнения либо принятие государством правового акта таким “препятствием”. Диониссиос Фламбурас приводит следующий примерный перечень таких обстоятельств: “Деяния Бога (т. е. землетрясения, удары молнии, наводнения, пожары, штормы, неурожай и т.д.); события социального и/или политического характера (т. е. война, революция, бунт, переворот, забастовка и т. д.); юридические препятствия (т.е. конфискация товара, эмбарго, запрет на перевод иностранной валюты, запрет или ограничение импорта или экспорта и т. д.); и прочие препятствия (т.е. потеря транспортного судна, кража, ограбление, саботаж при хранении или перевозке, общая забастовка, общее отключение электричества).”⁸ Денис Таллон приводит схожий перечень событий, однако при этом особо отмечает, что в любом случае необходимо одновременное наличие всех необходимых критериев, перечисленных в конвенции⁹.

Комментарий, подготовленный секретариатом УНИДРУА, приводит такие примеры, как уничтожение товара либо производственных мощностей продавца вследствие пожара, возникшего по независимым от последнего обстоятельствам. В противовес таким обстоятельствам приводится пример невозможности использования пластиковой тары или конкретного судна для транспортировки. В первых двух примерах, по мнению составителей комментария, имеет место освобождение на основании ст. 79 ВК, в остальных же - сторона может предпринять меры (использовать другую экономически разумную тару, найти другой корабль) к преодолению препятствия¹⁰.

Следует отметить, что названный комментарий не является официальным и исходя из примеров можно лишь предположить, что препятствие не должно быть непреодолимым. В комментарии нет ответа на вопрос о том, регулирует ли ст. 79 ВК случаи существенного изменения обстоятельств, когда исполнение стало не невозможным, а крайне обременительным.

Некоторые авторы, например Диониссиос Фламбурас, утверждают, что лишь невозможность исполнения предусмотрена в ст. 79 ВК, и что любой случай, когда исполнение полностью не невозможно, не может быть признан “препятствием.”¹¹ Названный автор также утверждает, что таково мнение большинства авторов, при этом ссылаясь на позицию Таллона¹². Последнее утверждение следует расцени-

вать критично, так как позиция Таллона не является столь радикальной и будет представлена ниже. Кроме того, сложно не согласиться с мнением Алендро Гарро о том, что большинство комментаторов вряд ли пойдут на то, чтобы утверждать, что даже в таких исключительных ситуациях, как Первая Мировая Война, не следует представлять защиту должнику¹³.

Денис Таллон по этому поводу отмечает, что в некоторых случаях граница невозможности и так называемой “экономической невозможности” может быть весьма размыта¹⁴. Так, например, если товар затонул в море, то его поднятие может быть возможно, однако чрезмерно обременительно с точки зрения стоимости такой операции, однако разумеется, есть большая разница между случаями, когда затонула, например, ценная скульптура или же обычное оборудование¹⁵. Таллон заключает, что подход ст. 79 ВК более гибкий, чем у французской доктрины *force majeure*, однако жестче английской доктрины фрустрации или американской непрактичности при этом, по его мнению невозможность является вопросом меры¹⁶. Схожее мнение высказывает и Хоннольд¹⁷.

В этой связи Джозеф Лауковски высказывает мнение о том, что термин “препятствие” также включает в себя случаи “экономического *force majeure*”, т. е. случаи когда исполнение представляет собой чрезмерную “экономическую жертву.”¹⁸ При этом Лауковский отмечает, что такая возможность чисто теоретическая, и, даже если какой-то суд в будущем решит применить подобный подход, то это будет весьма ограниченное и узкое исключение¹⁹.

По мнению Петера Шлехтрейма, понятие “препятствие” не следует расценивать как исключительно абсолютную невозможность исполнения. По его мнению, “экономическая невозможность должна быть признана “препятствием” по смыслу ст. 79 ВК, однако Шлехтрейм немедленно добавляет, что это возможно лишь в ограниченных случаях, чтобы не дать суду перейти к национальному законодательству, и добавляет, что в любом случае повышение цен или иные финансовые затруднения не являются “препятствием”²⁰.

Барри Николас, наоборот, придерживается мнения о том, что положения ст. 79 ВК неприменимы к случаям “фрустрации”, в том числе случаям резкого повышения цен²¹. Такое мнение автор обосновывает отсутствием положений о радикальном изменении обстоятельств, также как и

историей обсуждения текста (“законодательной истории”) проекта конвенции²². Николас также предлагает рассматривать положения названной статьи с позиций распределения рисков и разумных ожиданий сторон²³.

В данном контексте следует особо отметить позицию профессора Ландо. По мнению последнего ст. 79 ВК применима как к случаям невозможности исполнения, так и к ситуациям, когда исполнение стало слишком затруднительным, для того чтобы контрагент разумно предполагал возможность исполнения со стороны должника²⁴. Следовательно, если от должника исходя из принципов разумности и добросовестности, нельзя ожидать исполнения обязательства без принятия на себя чрезвычайной ответственности имеет место “препятствие”²⁵.

Существует также мнение, что хотя ст. 79 ВК и не регулирует вопросов, связанных с непредвиденным изменением обстоятельств, приведших к чрезмерной затруднительности исполнения обязательства, однако подобное положение может быть выведено путем применения техники “заполнения пробелов” предусмотренной ст. 7 ВК. Согласно названной статье “вопросы, относящиеся к предмету регулирования настоящей Конвенции, которые прямо в ней не разрешены, подлежат разрешению в соответствии с общими принципами, на которых она основана, а при отсутствии таких принципов – в соответствии с правом, применимым в силу норм международного частного права.” Исходя из названного положения некоторые авторы пытаются “заполнить пробел” в конвенции положением о чрезмерной затруднительности вследствие непредвиденного изменения обстоятельств.

Такого мнения, в частности, придерживается К. Касседжян, которая предварительно отметив неприменимость ст. 79 ВК к случаям резкого изменения цен и т. п. после заключения договора, высказывает мнение о том, что, возможно, доктрина изменения обстоятельств является “общим принципом, на котором основана конвенция.”²⁶ В обоснование такой позиции Касседжян приводит пример Венской Конвенции о Праве Международных Договоров, которая, по ее мнению, закрепляет принцип *rebus sic stantibus* в ст. 62.²⁷

Против такой позиции можно выдвинуть два возражения. Во-первых, как отмечает сама автор Венской Конвенции о Праве Международных Договоров применима к положениям ВК, но не к частноправовым договорам²⁸. Во-вторых, автор

неверно интерпретирует положения названной статьи. Ст. 62 Венской Конвенции о Праве Международных Договоров хотя и содержит положения о существенном изменении обстоятельств, не закрепляет принцип *rebus sic stantibus*, так как последний был прямо отвергнут государствами при составлении названной конвенции²⁹.

Другой возможностью, по мнению Касседжян является использование Принципов Международных Коммерческих Договоров УНИДРУА для “восполнения пробелов” в ВК³⁰. Названный вопрос будет рассмотрен нами ниже при обсуждении правоприменительной практики.

Судебная практика по применению положений ВК также неоднозначна. В практике как государственных судов, так и арбитражей встречаются самые разнообразные толкования. В некоторых делах судебные органы установили, что ст. 79 ВК применима в случае невозможности. Такой подход, в частности, был высказан Судом Монци (Италия). В решении по делу *Nuova Fucinati S.p.A. v. Fondmetall International A.B.* суд счел, что положения ст. 79 ВК сопоставимы с положениями Гражданского Кодекса Италии об освобождении от ответственности при невозможности исполнения³¹. Суд также отметил, что так как сторона в споре ссылаясь на расторжение договора, такая интерпретация неприемлема с точки зрения ВК, так как ВК связывает расторжение договора лишь с существенным нарушением договора³². Схожее мнение было высказано некоторыми германскими судами³³.

С другой стороны по выражению одного из арбитражных органов препятствие есть “не поддающийся управлению риск или абсолютно исключительное событие, такое как форс-мажорное обстоятельство, экономическая невозможность или крайняя затруднительность.”³⁴ Другая группа судов рассматривает вопрос применения ст. 79 ВК с точки зрения вопроса распределения рисков, исходя из того приняла ли сторона на себя риск такого препятствия³⁵.

Особую позицию в 2009 году занял Кассационный Суд Бельгии (далее КСБ). В решении по делу *Scafo International BV v. Lorraine Tubes S.A.S.* Дело касалось контракта на поставку металлических труб, после заключения которого неожиданно произошло 70-процентное повышение стоимости сырья, в результате которого поставщик потребовал изменить стоимость товара. Рассматривая вопрос и применимости к названной ситуации ст. 79. ВК КСБ

отметил, что “...изменения обстоятельств, которые не были разумно предсказуемы в момент заключения договора и которые несомненно по своей природе повышают бремя исполнения договора в непропорциональной мере могут при определенных обстоятельствах являться препятствием по смыслу названных положений Конвенции.”³⁶

Однако КСБ пошел еще дальше и, опираясь на положения ст. 7 ВК, заявил, что для заполнения пробелов необходимо осуществлять единообразно, а также при этом принять во внимание “общие принципы, регулирующие право международной торговли” и, в частности, Принципы Международных Коммерческих Договоров УНИДРУА, согласно которым фундаментальное нарушение договорного баланса вследствие изменения обстоятельств дает также право стороне требовать пересмотра путем проведения переговоров³⁷.

Говоря о Принципах УНИДРУА, следует отметить, что последние являются доктринальной кодификацией, принятой УНИДРУА в 1994 году и не получили статуса международного договора. В соответствующей части (Раздел 2, в редакции 2010 года) Принципы содержат положения о “затруднении.” Ст. 6.2.1 закрепляет, что возросшая обременительность сама по себе не влияет на обязательство должника об исполнении договора, однако ст. 6.2.2 устанавливает, что затруднением считается случай, когда возникают события, существенным образом изменяющие равновесие договорных обязательств либо в силу возрастания для стороны стоимости исполнения, либо уменьшения ценности получаемого стороной исполнения, и, кроме того, (а) эти события возникают или становятся известны потерпевшей стороне после заключения договора; (б) эти события не могли быть разумно учтены потерпевшей стороной при заключении договора; (с) эти события находятся вне контроля потерпевшей стороны; и (d) риск возникновения этих событий не был принят на себя потерпевшей стороной. Последующая ст. 6.2.3 регулирует последствия затруднения, согласно которым сторона может потребовать переговоров о пересмотре договора, а в случае не достижения согласия в разумный срок обратиться в суд, который имеет право при наличии затруднения прекратить договор с определенной даты и на определенных условиях, или изменить договор с целью восстановления его равновесия³⁸.

Применимость положений Принципов УНИДР-

УА в случае, если стороны сослались на них в соглашении, не вызывает сомнений, однако приемлимость восполнения пробелов в ВК путем отсылки к названным принципам крайне сомнительна. Во-первых, логическим следствием того, что Принципы УНИДРУА были приняты позже стал аргумент о том, что они не могут являться принципами на которых основана ВК³⁹.

Во-вторых, КСБ ссылается на Принципы УНИДРУА как на “общие принципы, регулирующие право международной торговли”, в то время как восполнение пробелов в ВК происходит в соответствии с “общими принципами, на которых она основана.” На первый взгляд положения весьма схожие, однако следует учитывать, что принципы регулирования в праве международной торговли могут быть отличными, особенно если учесть то обстоятельство, что ВК не регулирует (во всяком случае прямо) вопросов изменения обстоятельств, в то время как принятые позже инструменты, включая Принципы УНИДРУА, Принципы Европейского Договорного Права и т. д., уделяют большое внимание данному вопросу. Существует мнение, что эти инструменты основываются на одних и тех же принципах, и так как право международной торговли развивается не следует оставлять ВК “стоять на месте.”⁴⁰ Другие авторы полагают, что Принципы УНИДРУА могут быть полезны для определения принципов, на которых основана ВК⁴¹.

Таким образом, ни судебная практика, ни доктрина не дают однозначного ответа на вопрос о том, регулируется ли существенное изменение обстоятельств ВК. На основании проведенного исследования следует согласиться с мнением А. Гарро о том, что если такое правило и существует, то оно может быть найдено либо путем толкования ст. 79 ВК, либо путем восполнения пробелов на основании ст. 7 ВК⁴².

Кроме того анализ литературы и судебных решений позволяет проследить ряд тенденций. В первую очередь ВК рассматривается как самостоятельный инструмент, положения которого не зависят от положений национального законодательства, однако исключить полностью такое влияние невозможно. Как судебные органы, так и представители академических кругов неизбежно склоняются к пониманию положений ВК исходя из познаний, которые, естественно, глубже в их собственной юрисдикции(ах). Представители школы общего права неизбежно проводят параллели с

положениями доктрины фрустрации или непрактичности, континентальные юристы ищут *force majeure* и т. п., а суды сравнивают положения конвенции со своим гражданским законодательством. Ответной реакцией становится стремление автономизировать режим ВК, что в свою очередь приводит к желанию исключить по возможности применение национального права в пользу применения ВК. Такое стремление оправданно, так как единообразие правового регулирования, несомненно, положительно сказывается на международной торговле. Однако при этом не учитывается то обстоятельство, что ВК является международным договором, а в международном публичном праве существует нейтральный набор принципов и правил толкования международных договоров.

Международный договор подлежит толкованию по правилам международного публичного права как суверенное волеизъявление государств, не связанных ничем иным, кроме собственного согласия⁴³. Правила толкования международных договоров закреплены в ст. 31 и ст. 32 Венской Конвенции о Праве Международных Договоров 1969 г. (далее ВКМД) согласно которым “договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора”. При этом наряду с контекстом учитывается и последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования, а если значение остается двусмысленным или неясным допускается обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовленным материалам и к обстоятельствам заключения договора.

Помимо названных правил следует принять во внимание и положения ст. 7 ВК. Данная статья не отменяет правил толкования, предусмотренных в ВКМД, и даже более того особо отмечает, что “при толковании настоящей Конвенции надлежит учитывать ее международный характер.” ВК также устанавливает два обстоятельства, которые следует учитывать при толковании: “необходимость содействовать достижению единообразия в ее применении и соблюдению добросовестности в международной торговле.” Здесь следует особо подчеркнуть, что дословное толкование этих положений не приводит к выводу о том, что единообразие является характеристикой правового режима в целом. Единооб-

разие должно быть достигнуто при применении конвенции. Таким образом, если некий вопрос будет признан судами выходящим за рамки правового регулирования ВК и подлежащим регулированию внутренним законодательством, то будет иметь место не что иное, как единообразное применение конвенции.

Опираясь на названные правила толкования следует в первую очередь попытаться дать ответ на вопрос о том может ли толкование положений п. 1 ст. 79 ВК “в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора” прийти к выводу, что существенное изменение обстоятельств регулируется положением о “препятствии.”

По мнению некоторых авторов, “...требования для ссылки к исключению на основании затруднения и *force majeure* [по ВК], в принципе, идентичны,” хотя при этом положения о затруднении уже, так как затрагивают лишь те случаи, когда “препятствие” существенным образом изменяющие равновесие договорных обязательств⁴⁴. Хотя не вызывает сомнений то обстоятельство, что непредвиденность, отсутствие предположений о принятии на себя риска, неподконтрольность и непреодолимость присущи обоим категориям явлений существует два принципиальных различия. Понятие “препятствие” значительно отличается от понятия “события, существенным образом изменяющие равновесие договорных обязательств.” Как мы уже успели убедиться, многие авторы и судебные органы рассматривают “препятствие”, как делающее исполнение невозможным или в крайней степени затруднительным, в то время как “существенное изменяющие равновесие договорных обязательств” совершенно иная категория, связанная с экономической стороной договора.

Более того, правовым последствием применения ст. 79 ВК является освобождение от ответственности, в то время как затруднение, фрустрация и прочие доктрины изменения обстоятельств независимо от правовой системы, которая разработала их, как правило, приводят к расторжению или изменению договора. Последний вопрос не регулируется положениями ст. 79 ВК, так как это прямо предусмотрено в п. 5 названной статьи. Кроме того, возможность расторжения договора в ВК связывается с существенным нарушением и не предусматривается иного случая расторжения

договора на данном основании.

Вместе с тем следует согласиться с теми из вышеназванных авторов, которые считают, что по смыслу ст.79 ВК препятствием является не только абсолютная невозможность исполнения, но и ситуации, в которых исполнение находится на грани невозможного. Следует также признать, что сам термин “препятствие” действительно “достаточно эластичен” (если позаимствовать это выражение у Б. Николаса⁴⁵), чтобы при необходимости позволить более широкое толкование, чем просто невозможность.

Что касается введения подобной доктрины в ВК путем применения ст. 7, то следует применить те же правила толкования для разъяснения положений п. 2 ст. 7 ВК. Так, для того, чтобы было осуществлено заполнение пробелов необходимо, чтобы вопрос попадал в сферу предмета регулирования ВК. Согласно ст. 4 ВК конвенция “регулирует только заключение договора купли-продажи и те права и обязательства продавца и покупателя, которые возникают из такого договора. В частности, поскольку иное прямо не предусмотрено в Конвенции, она не касается действительности самого договора или каких-либо из его положений или любого обычая.” В первую очередь в этой связи следует отметить, что ВК не регулирует расторжение договора, за исключением случаев расторжения на основании существенного нарушения. Следовательно, если изменение обстоятельств влечет расторжение договора на основании ВК, то логично предположить, что изменение обстоятельств неизменно влечет существенное нарушение договора, что не соответствует действительности. Кроме того, конвенция не регулирует вопросов действительности договора, а в некоторых правопорядках изменение обстоятельств влияет на действительность договора⁴⁶. Таким образом, если изменение обстоятельств, является вопросом действительности договора, ВК не может быть применена. А. Гарро в этой связи отмечает, что хотя некоторые правопорядки и рассматривают изменение обстоятельств с точки зрения действительности договора, большинство правопорядков не поддерживает такой подход, а оставление этого вопроса за рамками ВК приведет к потерям в сфере единообразия⁴⁷. Названный подход не учитывает того обстоятельства, что игнорирование подхода названных систем таит в себе большую угрозу для единообразия. Так, если предположить, что вопрос

изменения обстоятельств является частью предмета ВК и может быть урегулирован на основании ее принципов, то каковыми будут последствия его применения? Скандинавские суды могут признать договор недействительным (и, следовательно, неясно, почему это делается на основании ВК, которая не регулирует названный вопрос), германские изменяют его, бельгийские обяжут к проведению добросовестных переговоров, а английские расторгнут договор, и все это на основании ВК. Меньшее единообразие трудно себе представить.

Однако если предположить, что вопрос изменения обстоятельств не исключен из предмета регулирования ВК, следует урегулировать его на основании общих принципов, на которых она основана. В этой связи нельзя не согласиться с мнением о том, что такого принципа, на основании которого можно было бы урегулировать названный вопрос и обязать стороны к переговорам (как это было бы на основании Принципов УНИДРУА) попросту нет⁴⁸. Сама ВК прямо указывает на два принципа: единообразие ее применения и добросовестности в торговом обороте, еще ряд принципов выведен судебной практикой. Таковыми являются: автономия воли сторон (ст. 6 ВК), принцип исполнения денежных обязательств в месте расположения кредитора, принцип несения бремени доказывания фактических обстоятельств, ссылающейся на них стороной, принцип полной компенсации ущерба, принцип свободы формы (ст. 11 ВК), принцип действительности сообщения с момента отправки, принцип уменьшения ущерба, принцип связанности сторон известным им обычаем, принцип *favor contractus*⁴⁹. Особняком стоит названное решение

СБ, признавшее принцип изменения обстоятельств⁵⁰. Таким образом единственный общепризнанный принцип, на котором может быть основана доктрина изменения обстоятельств - это принцип добросовестности, однако нельзя не согласиться с мнением, что названный принцип настолько размыт и имеет столь разнообразные интерпретации⁵¹, что вывести подобное положение из него не представляется возможным.

В таком случае логичным выглядит вопрос, каковым задается Р. Момберг Урибе⁵², не означает ли формулировка ст. 79 ВК, что возможность применения любых норм о затруднении, не подпадающих под положения названной статьи, исключается? На названный вопрос следует дать отрицательный ответ, так как, по нашему мнению, конвенция путем исключения вопросов о применении иных способов защиты и предъявления иных требований, кроме возмещения убытков, предоставляет возможность судам в названном вопросе руководствоваться применимым национальным правом. Такой подход будет также способствовать единообразному применению конвенции, так как независимо от того, какие положения содержит применимое национальное законодательство, конвенция будет толковаться и применяться единообразно, как оставляющая решение вопроса об изменении обстоятельств в сфере применимого национального права.

¹ Status of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods, Vienna, 11 April 1980, provided by <https://treaties.un.org> as of 26/10/2014

² Flambouras D. P. The doctrines of impossibility of performance and *clausula rebus sic stantibus* in the 1980 Convention on Contracts for the International Sale Of Goods and The Principles of European Contract Law – a comparative analysis, 13 Pace Intl'l L. Rev. 261 2001 c. 265.

³ Honnold J. O., Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention, 3rd ed. (1999), pages 472-495.

⁴ Сборник ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции Организации Объединенных Наций о международной купле-продаже товаров. Издание 2012 года, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2013

год, с. 48.

⁵ Подробнее см. 5 UNCITRAL Yearbook (1974) с. 39-40, 66-68, 79.

⁶ Там же; Nicholas B., Impracticability and Impossibility in the U.N. Convention on Contracts for the International Sale of Goods, Published in Galston & Smit ed., International Sales: The United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods, Matthew Bender (1984), pages 5-1 to 5-24.; Honnold J. O., Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention, 3rd ed. (1999), pages 472-495

⁷ См. Lookofsky J. The 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods. In J. Herbots editor / R. Blanpain general editor, International Encyclopaedia of Laws - Contracts, Suppl. 29 (December 2000) 1-192 по мнению которого подобная цель не достигнута, а также Tallon D., in Bianca-Bonell Commentary on the International Sales Law, Giuffrè: Milan (1987) 572-595, придерживающегося отличной точки зрения.

⁸ Flambouras D. P. The doctrines of impossibility of performance and *clausula rebus sic stantibus* in the 1980 Convention on Contracts for the International Sale Of Goods and The Principles of European Contract Law – a comparative analysis, 13 Pace Intl'l L. Rev. 261 2001 с. 267

⁹ Tallon D., in Bianca-Bonell Commentary on the International Sales Law, Giuffrè: Milan (1987) 572-595

¹⁰ Commentary on the Draft Convention on Contracts for the International Sale of Goods prepared by the Secretariat (“Secretariat Commentary”) / UN DOC. A/CONF. 97/5 // <http://www.globalsaleslaw.org/index.cfm?pageID=644>

¹¹ Flambouras, D., “Comparative Remarks on CISG Article 79 & PECL Articles 6:111, 8:108. (2002) available at: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/text/peclcomp79.html#er>.

¹² Там же

¹³ Garro A. M., Comparison between provisions of the CISG regarding exemption of liability for damages (Art. 79) and the counterpart provisions of the UNIDROIT Principles (Art. 7.1.7), 2005, <http://cisgw3.law.pace.edu/cisg/principles/uni79.html>

¹⁴ Tallon D., in Bianca-Bonell Commentary on the International Sales Law, Giuffrè: Milan (1987) 572-595

¹⁵ Там же

¹⁶ Там же

¹⁷ Honnold J. O., Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention, 3rd ed. (1999), pages 472-495

¹⁸ Lookofsky J.. The 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods in J. Herbots editor / R. Blanpain general editor, International Encyclopaedia of Laws - Contracts, Suppl. 29 (December 2000) 1-192; см. также: Lookofsky J.. Impediments and Hardship in International Sales: A Commentary on Catherine Kessedjian’s “Competing Approaches to Force Majeure and Hardship”, International Review of Law and Economics 25 (2005) 434-445

¹⁹ Там же

²⁰ Schlechtriem P. Uniform Sales Law - The UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods, Manz, Vienna: 1986

²¹ Nicholas B., Impracticability and Impossibility in the U.N. Convention on Contracts for the International Sale of Goods, Published in Galston & Smit ed., International Sales: The United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods, Matthew Bender (1984), pages 5-1 to 5-24.;

²² Там же

²³ Там же

²⁴ Lando, O., Udenrigshandelens krontrakter, 1987, 3rd ed. DJIBF Forlag, Copenhagen, at p. 299, цитируется по Rodrigo Momberg Uribe, Change of circumstances in international instruments of contract law. The approach of the CISG, PICC, PECL and DCFR. Vindobona Journal of International Commercial Law and Arbitration, 15, 2, 233-266.

²⁵ Там же

²⁶ Kessedjian C. Competing Approaches to Force Majeure and Hardship. 25 International Review of Law and Economics (September 2005) 641-670

²⁷ Там же

²⁸ Там же

²⁹ См. International Law Commission. Draft Articles on the Law of Treaties with commentaries (1966), United Nations, 2005, С. 258, существует, однако, мнение, что принцип *rebus sic stantibus* является общим принципом права; см. Brunner C. (Ed.). Force Majeure and Hardship under General Contract Principles: Exemption for Non-Performance in International Arbitration, Kluwer Law International, 2008, С. 414

³⁰ Kessedjian C. Competing Approaches to Force Majeure and Hardship. 25 International Review of Law and Economics (September 2005) 641-670

³¹ Nuova Fucinati S.p.A. v. Fondmetall International A.B., Tribunale Civile di Monza, 14 January 1993 текст на английском языке доступен на <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/930114i3.html>

³² Там же

³³ См. Сборник ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции Организации Объединенных Наций о международной купле-продаже товаров. Издание 2012 года, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2013 год, с. 447

³⁴ Там же с. 448

³⁵ Там же с. 447

³⁶ Scafom International BV v. Lorraine Tubes S.A.S., Hof van Cassatie, 19 June 2009, текст на английском языке доступен на <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/090619b1.html>.

³⁷ Там же

³⁸ International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT), Principles of International Commercial Contracts 2010, Rome, 2010 с. 212 и посл.

³⁹ Veneziano A. UNIDROIT Principles and CISG : Change of Circumstances and Duty to Renegotiate according to the Belgian Supreme Court, Unif. L. Rev. (2010) 137-151 available online at <<http://www.unidroit.org/english/publications/review/articles/2010-1-veneziano-c.pdf>>

⁴⁰ Там же

⁴¹ Там же

⁴² Garro A. M., Comparison between provisions of the CISG regarding exemption of liability for damages (Art. 79) and the counterpart provisions of the UNIDROIT Principles (Art. 7.1.7), 2005, <http://cisgw3.law.pace.edu/cisg/principles/uni79.html>

⁴³ S.S. "Lotus", France v Turkey, Permanent Court of International Justice, PCIJ Series A no 10, ICGJ 248 (PCIJ 1927), 7 September 1927.

⁴⁴ Brunner C. (Ed.) Force Majeure and Hardship under General Contract Principles: Exemption for Non-Performance in International Arbitration, Kluwer Law International, 2008, С. 397

⁴⁵ Nicholas B., Impracticability and Impossibility in the U.N. Convention on Contracts for the International Sale of Goods, Published in Galston & Smit ed., International Sales: The United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods, Matthew Bender (1984), pages 5-1 to 5-24.;

⁴⁶ Garro A. M., Comparison between provisions of the CISG regarding exemption of liability for damages (Art. 79) and the counterpart provisions of the UNIDROIT Principles (Art. 7.1.7), 2005, <http://cisgw3.law.pace.edu/cisg/principles/uni79.html>

⁴⁷ Там же

⁴⁸ Там же

⁴⁹ Сборник ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции Организации Объединенных Наций о международное купле-продаже товаров. Издание 2012 года, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2013 год, с. 49-52; см. также Постатейный Комментарий к Конвенции ООН о международной купле – продаже товаров, комментарий к ст. 7 // <http://www.cisg.ru/konvenciya-text-postatejno.php?id=7>

⁵⁰ Сборник ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции Организации Объединенных Наций о международной купле-продаже товаров. Издание 2012 года, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2013 год, с. 49-52

⁵¹ Farnsworth A. Duties of good faith and fair dealing under the UNIDROIT principles, relevant international conventions, and national laws, http://tldb.uni-koeln.de/php/pub_show_document.php?pubdocid=122100

⁵² Momberg Uribe R. Change of circumstances in international instruments of contract law. The approach of the CISG, PICC, PECL and DCFR. Vindobona Journal of International Commercial Law and Arbitration, 15, 2, 233-266.

Հայկ Մալխասյան

Հայ - ռուսական (սլավոնական) համալսարանի իրավունքի և քաղաքականության ինստիտուտի քաղաքացիական և քաղաքացիական դատավարության իրավունքի ամբիոնի ասպիրանտ

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հանգամանքների փոփոխության կառուցակարգը «Ապրանքների միջազգային առքուվաճառքի պայմանագրերի մասին» Վիեննայի 1980 թ. կոնվենցիայում՝ մեկնաբանման խնդիրներն ու «բացերի լրացումը»

Հոդվածը նվիրված է «Ապրանքների միջազգային առքուվաճառքի պայմանագրերի մասին» 1980 թվականի Վիեննայի կոնվենցիայի համաձայն՝ հանգամանքների փոփոխության ու կատարման խոչընդոտի իրավական կարգավորման հիմնախնդիրների ուսումնասիրությանը: Աշխատության հեղինակի կողմից վերլուծվել են կատարման խոչընդոտի մասին Կոնվենցիայի դրույթների վերաբերյալ առկա հիմնական տեսակետներն ու ոլորտի իրավակիրառ պրակտիկան: Հեղինակի կողմից քննարկվում է նաև այն հարցը, թե կարգավորում է արդյոք Կոնվենցիան հանգամանքների էական փոփոխության դեպքերը:

Ուսումնասիրության արդյունքում առանձնացված են երկու մեխանիզմներ, որոնք կարող են հնարավորություն ընձեռել կարգավորել հանգամանքների էական փոփոխության դեպքերը Կոնվենցիայի շրջանակներում՝ «խոչընդոտ» հասկացության մեկնաբանում կամ «բացերի լրացում» Կոնվենցիայի հիմնարար սկզբունքների հիման վրա ու հղում կատարելով ՌԻՆԻԴՐՈՒԱ միջազգային առևտրային պայմանագրերի սկզբունքներին: Հեղինակի կողմից հիմնավորվում է երկու մոտեցումների անընդունելիությունը ու առաջարկվում է դուրս բերել հանգամանքների էական փոփոխության հարցը Կոնվենցիայի կարգավորման շրջանակից:

Հիմնաբառեր- կատարման խոչընդոտ, բացերի լրացում, force majeure, rebus sic stantibus, հանգամանքների փոփոխություն, ՌԻՆԻԴՐՈՒԱ սկզբունքներ:

Hayk Malkhasyan

Graduate student of the Department of Civil and Civil Procedure Law and Policy Institute of the Russian-Armenian (Slavonic) University

SUMMARY

The doctrine of changed circumstances in the Vienna Convention on International Sale of Goods 1980: problems of interpretation and “gap filling”

The article deals with the problems of legal regulation of changed circumstances and impediment to performance in the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods 1980 in English Contract Law. The author analyzes the main viewpoints on the issue of interpreting clauses on impediment to execution, as well as practice in the field. The author also addresses the issue of regulating cases of substantial change of circumstances by the Convention.

According to the study two mechanisms to ensure the possibility of regulating the instances of substantial change of circumstances are identified: interpretation of the term “impediment” or “gap filling” on the basis of underlying principles of the Convention and reference to the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts. The author argues against both approaches and suggests leaving the issue of fundamental change of circumstances out of the scope of the Convention.

Keywords: impediment to performance, gap filling, change of circumstances, force majeure, rebus sic stantibus, UNIDROIT Principles.